

УДК 821.111
ББК 83.3(4)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-2-23-33

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ

К. А. Нагайцева

Аннотация. В статье рассматривается образ ребенка в творчестве Э. Б. Браунинг. Обзор ряда ключевых произведений позволяет сделать вывод о том, что концепция детства имела большое значение для творчества поэтессы. Автор статьи фокусируется на основных принципах, формирующих образ ребенка, таких как невинность, истинный взгляд на вещи, связь с богом и природой. Образ ребенка не только является результатом осмысления Э. Б. Браунинг романтической традиции, но и отражает ее личный опыт. Изучение концептуально-эстетической системы творчества поэтессы открывает перспективы для большего понимания романтизма и дальнейшего изучения женского поэтического творчества в целом.

Ключевые слова: Элизабет Баррет Браунинг, ребенок, детство, романтизм, викторианская эпоха, Вордсворт.

THE IMAGE OF A CHILD IN THE WORKS OF ELIZABETH BARRET BROWNING

К. А. Nagaytseva

Abstract. The article examines the image of a child in the works of E. B. Browning. A review of key works allows us to conclude that the concept of childhood was of great importance for the poet's work. The author of the article focuses on the basic principles that form the image of a child, such as innocence, a true understanding of things, connection with God and nature. The image of a child is not only the result of E. B. Browning's understanding of the romantic tradition, but also reflects her personal experience. The study of the conceptual and aesthetic system of the poetess's creativity opens up prospects for a more profound understanding of romanticism and further study of women's poetic creativity in general.

© Нагайцева К. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *Elizabeth Barret Browning, child, childhood, romanticism, Victorian age, Wordsworth.*

Детство – это истоки личной истории каждого человека, начальный этап формирования личности, который во многом определяет дальнейшую судьбу. Феномен детства универсален и потому широко представлен в мировой литературе. Хотя концепция детства не ограничена национальными и временными рамками, возможно говорить об особенностях ее осмысления в контексте литературных течений и индивидуального художественного творчества.

В Англии концепция детства была впервые значительно переосмыслена в рамках романтической традиции. Именно романтики прочувствовали детство как самоценный и неповторимый период жизни, что было во многом обусловлено принципами интроспекции и эгоцентризма, столь значимыми в философии романтизма. Внутреннее «я» человека противопоставляется внешнему миру и находит убежище в личном прошлом – детстве. Воспринимая ушедшую пору детства как утрату, романтики культивируют аналогию личной и национальной истории: «Возникла ностальгическая, элегическая дистанция по отношению к счастливому детству всего человечества, каждой нации и каждого индивида. Детство человечества и детство личности одновременно получили права гражданства в литературе» [1, с. 141]. Романтическая ностальгия по детству – это осмысление детства как идеального состояния гармонии человека с собой и миром, непосредственности и наибольшего творческого потенциала: «В детях максимум возможностей, которые рассеиваются и теряются позднее. Внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском сознании, что будет утеряно взрослыми» [2, с. 106]. Фокус внимания романтиков на таких особенностях детской поры, как невинность и естественность,

привела к идеализации образа ребенка. Так, У. Вордсворт восторженно называет ребенка «отцом человека» (“father of the man”) [3, р. 573]¹, декларируя превосходство ребенка над взрослым.

В викторианскую эпоху интерес к концепции детства выходит за рамки литературного процесса, внимание к ребенку обостряется практически во всех областях, возникает и стремительно развивается детская психология, педагогика, литература о детях и для детей. В основе этих процессов обнаруживается провозглашенный романтиками культ детства, который как обобщенный образ повлиял на закономерности социальной жизни.

Однако представляется целесообразным рассматривать образ детства не только с позиции общественно значимого идеала, но и с позиции индивидуально-личностных характеристик автора. Так, несмотря на подробное в отечественном литературоведении изучение образа ребенка в творчестве таких авторов, как У. Вордсворт, Р. Саути, У. Блейк, обнаруживаются лакуны в понимании образа детства в творчестве романтиков второго и третьего ряда. Особый интерес среди них представляет поэзия Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861), в творчестве которой образ ребенка представлен достаточно широко. Несмотря на известность поэтессы для английского читателя, многие ее произведения до сих пор не переведены на русский язык, а творчество все еще нуждается в более подробном исследовании. В контексте стремительно развивающихся сфер, связанных с детством (развитие ребенка, детское творчество, литература для детей), изучение творчества писателей, которые внесли свой вклад в формирование культа ребенка в литературе, представляется особенно актуальным.

¹ Здесь и далее будет приводиться поэтический текст в оригинале и его буквальный перевод.

Поэзия Э. Б. Браунинг представляет собой уникальный образец женского творческого сознания: «С самых ранних произведений Э. Б. Браунинг высказывалась уверенно, отказываясь молчать из-за диктата литературного сообщества и ограничивать себя до традиционной модели женской покорности. Часто ассоциируя себя с романтиками второго поколения Байроном и Шелли, она на протяжении своей карьеры призывала к свободе физической и психологической, защищая ущемленных в правах, женщин, рабочий класс, детей, рабов и целые страны, такие как Греция и Италия, которые боролись за свою независимость» [4, р. 22–23]. Позиционируя себя как поэтессу равную именно поэтам-мужчинам, Э. Б. Браунинг смело экспериментировала с жанрами и мотивным комплексом, обращаясь к так называемой «мужской» тематике: политике, религии, философии и мистике. В то же время Э. Б. Браунинг гармонично дополняла выбранную стратегию творчества («исследовать и снести барьеры в поэзии, установленные из-за ее пола» [5, р. 3]) особой женской интонацией, что позволяло современникам восторженно отзываться о ней, как о «женщине женщин» [6, р. 116] и «изящном гении женственности» [7, р. 90]. Основы творческой философии Э. Б. Браунинг формировались в эпоху школы романтиков [8], поэтому несмотря на то, что наиболее известные ее произведения «Аврора Ли» и «Сонеты с португальского» хронологически относятся к Викторианской эпохе, поэтессе традиционно воспринимают как представительницу романтического направления [9].

Концепция детства в творчестве Э. Б. Браунинг реализуется достаточно широко и не ограничена типологией конкретных детских образов. Иными словами, анализу могут быть подвержены не только образ ребенка как лирического героя, но и различные изобразительные средства, концептуально связанные с этим образом.

Итак, Э. Б. Браунинг разделяет принцип невинности ребенка. Как и другие романтики, Э. Б. Браунинг педализует образ чистого

и непосредственного ребенка, используя эпитеты с позитивной коннотацией: «невинный малыш» (“baby-innocent”) [10, р. 433], «Ребенок с солнечными локонами и красивым лицом! / <...> поверь, что невинное веселье / Померкнет в твоих голубых глазах» (“Child of the sunny lockes and beautiful brow! / <...> believe the innocent revelrie / Shall be eclipsed in those soft blue eyne”) [10, р. 97], «безгрешный ребенок» (“a sinless child”) [10, р. 470], «открытая душа» (“open-soul”) [10, р. 612].

Подчеркивая чистоту и незамутненность чувств лирической героини в «Сонетах с португальского», Э. Б. Браунинг использует сравнение с ребенком: «Я люблю тебя со страстью / <...> и с детской верой» (“I love thee with passion / <...> and with my childhood’s faith”) [10, р. 814], «Я сижу около тебя, как дети / <...> и душа трепещет / Сквозь счастливые веки» (“I sit beneath thy looks, as children do / <...> with souls that tremble through / Their happy eyelids”) [10, р. 802], «счастливые дети идут к нам» (“The happy children come to us”) [10, р. 654]. Ребенок чист в намерениях, естественен и прост, в отличие от «испорченных» с годами взрослых: «Этот рев безрассудного ребенка / Из разбитого сердца гордеца» (“That weeping wild of a reckless child / From a proud man’s broken heart”) [10, р. 413].

Невинность ребенка гармонирует с естественностью природы. Во многих произведениях Э. Б. Браунинг образ ребенка органично дополняется элементами пейзажной лирики, растениями, цветами, животными, погодными явлениями и т. д. Так, описывая морской пейзаж, лирическая героиня замечает: «Кажется, лучше чем вот так, / Сидеть с друзьями у бука <...> / Или следовать за детьми, когда они идут / Милыми парочками, тихо разговаривая» (“It seems a better lot than so / To sit with friends beneath the beech <...> / Or follow children as they go, / In pretty pairs, with softened speech”) [10, р. 670–671]. Лирическая героиня поэмы «Ухаживание за Леди Джералдиной», будучи ребенком, «в порыве внезапных чувств убежала в лес с песней» (“...would break out

on a sudden in a gush of woodland singing") [10, p. 513–514]. В «Клятве поэта» демонстрируется, как «маленький ребенок <...> / Стоял около стены, наблюдая за игрой / Зеленых ящериц» ("A little child <...> / Stood near the wall to see at play / The lizards green") [10, p. 407]. Стихотворение «Видение поэтов» изобилует картинками деревьев, веток, птиц, морского бриза, росы, среди которых «светлые маленькие дети, яркие, как утро» ("fair little children morning-bright") [10, p. 392], так же как и в более позднем «Плаче людей» дети сидят на холмах, вокруг которых леса и потоки, «замечая, / Как солнце пробивается сквозь далекий туман» ("beholding, / The sun striked through the farthest mist") [10, p. 654]. В стихотворении «К мальчику» автор намекает на идентичность детства и природы, проводя параллель между голосом ребенка и птицы: «...словно воркование голубя / Было в твоём голосе – или самой Природы» ("...and a dove-like tone / Was on thy voice – or Nature's own") [10, p. 149]. В поэзии Э. Б. Браунинг признается, что ее детство «могло остаться в разрисованных книгах Природы» ("my childhood <...> / Could rest on Nature's pictured books") [10, p. 139]. Изображение первозданной природы усиливает образ естественного и непосредственного ребенка, что является своеобразным приемом, в какой-то мере «подсказанным» Вордсвортом, наиболее любимым романтиком поэтессы: «Он всегда был великим поэтом для меня, и, пока я живу поэзией, он будет им оставаться» [11, p. 123]. Однако утверждение поэта о том, что «человеческие порыва объединены с прекрасными и неизменными формами природы» [12, p. 497], Э. Б. Браунинг разделяла не только из-за приверженности романтическим идеалам, но и некоторых фактов своей биографии.

Детство для Э. Б. Браунинг было счастливой порой активности и свободы, которая прекратилась в подростковом возрасте, когда Э. Б. Браунинг настигли травма спины и болезнь легких. Иногда ей становилось легче, но о совершенном выздоровлении не представлялось возможным говорить.

Жизнь поэтессы стала затворнической, за ней закрепляется статус инвалида, «существование которого представляло собой бесконечный цикл постоянного страдания» [13, p. 66]. Ряд автобиографичных стихотворений, таких как «Прозвище», «Моему отцу на день рождения», «Стихи моему брату», «Гектор в саду», «Пустынный сад», «Потерянная беседка», пронизан ностальгией по детству, но не романтической, «ассоциируемой не с временем, но состоянием чистоты и невинности» [14, p. 77], а в высшей степени личной – тоской больного человека по тому времени, когда он был здоров. Грамматически эти произведения изобилуют глаголами движения в прошедшем времени, что подчеркивает невозвратность свободы передвижений: «...в детстве я так мало ценила / Эти милые прогулки» ("...in childhood little prized I / That fair walk") [10, p. 619], «мое детское сердце билось быстрее» ("my childhood heart beat stronger") [10, p. 620], «Я думаю о себе, в тех ушедших днях, / Как часто под солнцем / Вприпрыжку я раньше бегала / В сад давно опустевший» ("I mind me in the days departed, / How often underneath the sun / With childish bounds I used to run / To a garden long deserted") [10, p. 601], «С тех пор, когда в последний раз чувствовала траву под ногами» ("Since last I felt the green sward under foot") [10, p. 844], «Вместе тратили весну Детства» ("Together sported Childhood's spring away") [10, p. 98]. Воспоминания о детстве также связаны с природой, так как, будучи ребенком, Э. Б. Браунинг проводила много времени на свежем воздухе. Так, концепция детства приобрела не только временные, но и пространственные категории. В письме от 1842 г. Э. Б. Браунинг признавалась подруге: «Мы жили в Сидмуте два года, и я, кто с самого раннего детства очень любила побережье <...> не допускала и мысли быть заточенной в Лондоне. Эта узость улиц <...>, нехватка горизонта...» [15, p. 39]. Детство ассоциируется с природой, активностью и открытым пространством: «Зелена та земля, где каждый день / Резвилось мое радостное детство» ("Green the land is

where my daily / Steps in jocund childhood played") [10, p. 618], «Моя жизнь была, как у цветов и пчел, / Посреди родных деревьев» ("I had life like flowers and bees / In betwixt the country trees") [10, p. 608], «Тогда отец и ребенок, / мы жили среди гор много лет» ("Father, then, and child, / We lived among the mountains many years") [10, p. 915].

Однако поэтесса ностальгировала по детству не только из-за утраченного здоровья, но и по еще одной, не менее значимой для нее причине. Сторонница равноправия мужчин и женщин во многих сферах, особенно в литературном творчестве, Э. Б. Браунинг считала детство периодом, свободным от гендерных стереотипов. В стихотворениях «Моему отцу на день рождения» и «Стихи моему брату» поэтесса вспоминает «Имена, которые сделали наше детство особенно дорогим» ("the named that made our childhood dear") [10, p. 96] и то, как «Вместе проводили мы в детстве часы/ Над страницами Горация» ("Together have we past our infant hours/ On Horace' page") [10, p. 98]. Речь идет о совместных с братом занятиях древнегреческим языком. Э. Б. Браунинг с ранних лет проявила большие способности к поэзии и изучению древних языков, нежели к вышивке, танцам и прочим «женским» занятиям. По мере взросления Э. Б. Браунинг осознает, что ее чтение Гомера в оригинале одобрялось или воспринималось снисходительно только до определенного возраста: «В тот день, когда брат пошел в школу в тринадцатилетнем возрасте, Элизабет осознала ту непреодолимую разницу между тем, что значит быть умным мальчиком и умненькой девочкой» [16, p. 121].

Реалии образовательной системы начала XIX в. в Англии представляются весьма патриархальными: изучение древних языков считалось исключительно мужской прерогативой, так как открывало возможности для карьеры в сферах политики и религии. Напротив, владение древними языками женщиной скорее осуждалось: популярная концепция «ангела дома» предполагала реализацию женщины исключительно в качестве матери и жены.

Осознание подобных перспектив для амбициозной девочки, мечтающей стать лингвистом и поэтом, стало настоящим потрясением: «Я всегда была сумасшедшей насчет книг и стихов – стихов моего сочинения <...> и когда мне исполнилось тринадцать, нет, двенадцать! <...> я испытала сильнейшее негодование против Природы, которая сделала меня девочкой!» [15, p. 42]. Так, в эстетико-художественной системе Э. Б. Браунинг детство представляется периодом ощущения личностной цельности, так как ребенок не осознает половых различий; позиция мужчины или женщины теряет целостность, так как представляет собой только один полюс разделенной личности. Так, в поэзии Э. Б. Браунинг образ ребенка практически всегда представлен общими "children", "child", "baby", не делающими акцента на половой принадлежности, на контрасте с единичными "boy" и "girl". Именно осознание детства как «бесполого потерянного Рая» [16, p. 121] означало завершение этапа детства в жизни Э. Б. Браунинг, что соответствовало «нарративу XIX века, установившему границы детства в соответствии с индивидуальным опытом, а не возрастом» [14, p. 80]. Так, в «Авроре Ли», автобиографическом романе в стихах, лирическая героиня после смерти отца объявляет (в свои тринадцать лет): «Теперь детство закончилось» ("There, childhood ended") [10, p. 917]. В стихотворении, посвященном коронации королевы Виктории, детство Виктории заканчивается только в восемнадцать лет, время восшествия на престол: «Она присягнула править, и этой клятвой завершилось ее детство» ("She vowed to rule, and in that oath her childhood put away") [10, p. 588].

В стихотворении «Потерянная беседка» ностальгия по детству достигает своего пика, и Э. Б. Браунинг окончательно проводит четкую границу между детством и взрослостью: «Тот, кто знал меня в детстве/ Очаровательную и игривую,/ Смотри на меня, скучную и слабую,/ Никогда не узнал бы во мне того же самого человека» ("One who knew me in my childhood/ In the glamour and the game,/ Looking on me long and mild,

would/Never know me for the same") [10, p. 629]. Концептуально это четверостишие созвучно произведению Вордсворта «Ода: намеки на бессмертие из воспоминаний о раннем детстве»: «Днем и ночью/ Явления, которые я видел, я не вижу теперь» ("By night and day/ The things which I have seen I now can see no more") [3, p. 2138]. Э. Б. Браунинг особенно ценила это произведение: «Вордсворт заслуживает короны. <...> Я бы добавила «Оду из воспоминаний о детстве», которую обожаю» [15, p. 212]. Как и лирический герой Вордсворта, героиня Э. Б. Браунинг не может насладиться природой, так как с возрастом лишилась особого взгляда на окружающий мир.

В романтизме одну из центральных позиций занимает пантеистическая концепция, когда природа воспринимается как манифестация высших сил. Образ ребенка на лоне природы означал больше, чем обычную идиллическую картину, а указывал на связь ребенка с высшими силами. Э. Б. Браунинг развивает этот принцип в своих произведениях, использует эпитеты с религиозной и мистической коннотацией, описывая детей: «Сказал "папа", "мама" – затем перестал,/ Больше способен к небесному языку» ("Said "father", "mother" – then left off,/For tongues celestial, fitter") [10, p. 734], «святые дети» ("saintly children") [10, p. 452], «Господь, благослови ребенка!» ("God, bless the child!") [10, p. 640], «Как пчелы вокруг розы,/ <...> Так духи собираются и кружатся/ Вокруг святого детства» ("As the bees around a rose,/ So the spirits group and close/ Round about a holy childhood") [10, p. 540], «благословенный ребенок» ("blessed child") [10, p. 427].

Идея о близости ребенка к богу интерпретируется поэтессой в нескольких аспектах. Во-первых, ребенку доступно прямое взаимодействие с высшими силами. Например, в «Клятве поэта» бог лично благословляет ребенка: «Когда Он наклонил святое лицо, я полагаю,/ Чтобы благословить это дитя» ("When He bowed his holy face, I ween/ To bless that happy child") [10, p. 404]. Во-вторых, ребенок – это и есть бог. Так, в

поэме «Окна дома Гвиди», вдохновленной борьбой итальянцев за независимость, Э. Б. Браунинг демонстрирует различные уровни интерпретации образа ребенка. С самого начала произведения автор декларирует свои политические симпатии через образ поющего о свободе ребенка. Его мнение является магистральным, так как ребенку доступно истинное видение вещей; более того, данное впечатление подкрепляет, как символ – церковь, находящаяся рядом: «Я слышала прошлой ночью, как маленький ребенок гулял, напевая/ Под окнами Дома Гвиди, рядом с церковью:/ О прекрасная свобода!» ("I heard last night a little child go singing/ 'Neath Casa Guidi windows, by the church,/ O bella liberta!") [10, p. 862]. Далее в абстрактных размышлениях о власти и правителях образ ребенка приобретает иной пафос, олицетворяя высшие силы. Императорская власть как абстрактный феномен «прислушивается к только Новорожденному у ее колен» ("minds only the young Babe upon her knee") [10, p. 869] и «...Ребенок при этом/ Протирает руку как Господь» ("...the Child thereat/ Stretching its hand like God") [10, p. 869]. Благословляющий жест ребенка есть и в «Видении поэтов»: «Я подождала ребенка к себе, и сказала:/ "Для чего твои ладони?" – "Чтобы возложить их,/ – Он ответил, – на мертвого поэта» ("I called the child to me, and said,/ "What are your palms for?"" "To be spread,"/ He answered, "on a poet dead") [10, p. 392].

Олицетворяя высшие силы, ребенок приобретает и качества этих высших сил. Особое значение для Э. Б. Браунинг имеет такое свойство, как мудрость. Ребенок знает и видит то, что недоступно взрослым: «детское видение твоего сердца» ("The childish vision at thine heart") [10, p. 753]. В «Мысли ребенка о Боге» теологическими размышлениями занят именно ребенок, рассуждая о высших сферах, как о знакомых ему реалиях. В «Рассказе о Виллафранке» лирическая героиня всерьез обсуждает политическую обстановку в Италии с маленьким ребенком, как с равным по уровню понимания собеседником: «Ах, дитя!

Я не могу/ Больше ничего сказать. Ты понимаешь/ Теперь причину того, почему именно сегодня/ Мы видим горе нашей Флоренции» ("Ah child! I cannot say/ A word more. You conceive/ The reason now, why just today/ We see our Florence grieve") [10, p. 1200]. Кроме того, для ребенка, в силу его особых черт, характерна мистическая атмосфера: сон, фантазия, потусторонний мир. В «Авроре Ли» лирическая героиня признает: «...не могу слышать/ Этот шепот Вечности/ Которому улыбаются младенцы во сне» ("...cannot hear/ That murmur of the outer Infinite/ Which unweaned babies smile at their sleep") [10, p. 913]. В «Памяти» воспоминания «утраченных радостей» ("lost joys") [10, p. 102] детства доступны только в грезах: «Моя мечта часто бродила/ В одной чудесной долине» ("My Fancy's steps have often strayed/ To some fair vale") [10, p. 101]. Сон ребенка – это возвращение в гармоничную для него, сказочную реальность: «И как ребенок, который спит, уронив голову/ На книгу, которую недавно читал,/ Какой бы шум дома не раздавался вокруг него,/ Он слышит в своем сне эльфийское кружение» ("And like a child that, sleeping with dropt head/ Upon the fairy book – he lately read,/ Whatever household noises round him move,/ Hears in his dream some elfin turbulence") [10, p. 585].

Сновидение также является своеобразным поэтическим эвфемизмом, когда Э. Б. Браунинг пишет о смерти ребенка. В этом случае грань между сном и смертью чрезвычайно тонка, что в определенной мере «нивелирует» трагичность ситуации. Однако стихотворения на данную тематику¹ сложны для анализа только с позиции концепции детства, так как фокус внимания в них направлен все же не конкретно на ребенка, но на ребенка и мать. Поэтому представляется возможным утверждать, что Э. Б. Браунинг прежде всего писала о чувствах матери, образ которой менялся по протяжении творческого пути поэтессы.

Например, в раннем произведении «Ребенок Изабеллы» мать укачивает больного младенца и молится о его здоровье. Когда она уснула, к ней во сне явился ее же ребенок, умоляя отпустить его к богу, так как мать не понимает, что ее молитвы «самая любящая жестокость» ("most loving cruelty") [10, p. 433]. Идея о том, что потусторонний мир более гармоничен для чистой души младенца – не оригинальна, особенно в рамках романтического направления. Так, ребенок рассказывает матери о «небесных сферах» ("celestial places") [10, p. 433] и «ангельской пустоши» ("angelic wilderment") [10, p. 434], где его уже ждут, убеждая мать рассуждениями о несовершенстве земной жизни, (и, в особенности, человеческой любви): «Любовь! Земная любовь! А можем ли мы любить/ Постоянно в изменяющемся мире?/ Могут ли грешники любить друг друга?» ("Love! Earth's love! And can we love/ Fixedly where all things move?/ Can the sinning love each other?") [10, p. 436]. В финале мать соглашается, что «молитва была жестокой» ("my cruel prayer") [10, p. 437] и позволяет младенцу умереть. Возможно, подобное произведение и явилось своеобразной реакцией на удручающие показатели детской смертности в викторианской Англии [17], попыткой смириться и принять ситуацию, но для многих современников финал оказался шокирующим, заставившим усомниться в творчестве Э. Б. Браунинг: «Она более увлечена книгами, чем жизнью...» [18, p. 199]. Опыт материнства (Э. Б. Браунинг сама стала матерью в 1849 г.) значительно скорректировал взгляды Э. Б. Браунинг: образ матери перестал быть столь абстрактным, а палитра чувств, испытываемых по отношению к ребенку, значительно обогатилась заботой, вниманием, самопожертвованием, усталостью, болью и страхом за родное дитя.

Однако образ ребенка остается неизменным: как и прежде, это чистая душа, обнаруживающая родство с природой и

¹ «Ребенок Изабеллы», «Спящий и Видящий», «Дева Мария ребенку Иисусу», «Беглая рабыня», «Скорбящая мать о мертвом слепом», «Детская могила во Флоренции».

высшими силами. Так, в более позднем стихотворении «Детская могила во Флоренции» лирическая героиня эмоционально оплакивает умершего ребенка, не в состоянии расстаться с ним психологически: «Ты все еще мой! Право матери <...> / Нельзя отдать кому-либо еще!» (“Still mine! Maternal rights <...> / Not given to another!”) [10, p. 737]. Но автор снова пытается смягчить депрессивные интонации, подчеркивая разницу между ребенком и взрослым. Ребенок уходит, потому что этот мир слишком несовершенен для него: «Ты с ангелами, Милый, / Потому что мы не достойны» (“The angels have thee, Sweet, / Because we are not worthy”) [10, p. 735]. Эта идея интенсифицируется и почти дословной библейской цитатой (Мф. 19:13), оформленной как прямая речь Иисуса в десятой строфе произведения: «Пустите детей приходите ко мне / И не препятствуйте им» (“Let little children come to Me, / And do not thou forbid them”) [10, p. 735].

Перечисленные свойства концепции детства (особое видение, чистота, близость к силам природы и высшему плану бытия) позволяют Э. Б. Браунинг аккумулировать в образе ребенка – бога и поэта. В творческой философии поэтессы принцип избранности поэта являлся самым значимым. На этом принципе поэтесса выстраивала и свою поэтическую стратегию, и даже собственную жизнь. Личная религиозность, физические недуги и поэтический взгляд сформировали экзальтированное понимание своей миссии в романтическом ключе: «Вся моя жизнь и силы, которые есть во мне, кажется, перешли в мою поэзию» [19, p. 67]. Только поэт мог сберечь в себе «внутреннего ребенка»: «Никто кроме поэта не прочтет поэзии природы! / Ее символы, нарисованные мистической рукой, / Могут быть увидены всеми, но поймут лишь некоторые!» (“None read, but Poets, Nature’s poetry! / Its characters are trac’d in mystic hand, / And all may gaze, but few can understand”) [10, p. 89]. В программных для понимания

принципа поэта-пророка стихотворениях «Видение поэтов» и «Поэт» автор прямо указывает на идентичность понятий «поэт» и «бог»: «Твое искусство, Поэт-Бог, великое и прекрасное!» (“Thou, Poet-God, art great and glad!”) [10, p. 391], «У поэта в груди взор ребенка / И он видит все по-новому / <...> О подобный богу, подобный ребенку поэт» (“The poet hath the child’s sight in his breast / And sees all new / <...> O godlike, childlike poet”) [10, p. 848].

Будучи «единственной поэтессой, которая открыто обращалась в своей поэзии к широкому политическому дискурсу в переходный период от Романтизма к Викторианской эпохе» [4, p. 22], Э. Б. Браунинг не могла обойти вниманием проблему эксплуатации детского труда на фабриках. В 1843 г., ознакомившись с Отчетом Королевской комиссии по трудоустройству детей и подростков на шахтах и фабриках, поэтесса пришла в ужас от условий труда и содержания детей: без свежего воздуха, достаточной еды и воды, в темноте и шуме фабричных машин многие из них умирали. Под сильнейшим впечатлением поэтесса написала одно из своих самых знаменитых, причем не только для английского читателя, стихотворений «Плач детей»: «Первая строфа ворвалась в мою голову, как ураган» [11, p. 330]. Стихотворение производит сильное впечатление, демонстрируя всю несправедливость и жестокость по отношению к невинным детям. Эмоциональный эффект в значительной степени достигается благодаря изображению детей в совершенно противоречащих им условиях. Э. Б. Браунинг создает своеобразную «перевернутую» картину мира, в которой дети, по сути, приобретают качества обычных взрослых, хотя и не по своей воле. Теперь дети лишены свободы и природы: «Мы никогда не видели солнечного света» (“We have never seent the sunshine”) [10, p. 535], «мы не можем бегать и прыгать» (“we cannot run or leap”) [10, p. 536]. Измученные дети обижены и потому отказываются

¹ Российский читатель знаком с этим стихотворением в адаптации Н. Некрасова «Плач детей» (1860).

молиться. Кажется, что бог не слышит их из-за шума колес, но это не так: «горе сделало нас неверующими» (“grief has made us unbelieving”) [10, p. 538]. Дети слишком разочарованы в боге, они не чувствуют связи с высшим планом бытия: «Он бессловесный, как камень» (“He is speechless as a stone”) [10, p. 538]. Подобное сравнение, почти оскорбительное, не только интенсифицирует эмоциональное впечатление от несвойственной Э. Б. Браунинг интерпретации образа ребенка, но и демонстрирует эволюцию ее личного мироощущения.

Таким образом, концепция детства играет значительную роль в поэзии Э. Б. Браунинг. Обобщенный образ ребенка не предполагает различных типов детского характера и психологизацию и в основе своей интерпретируется в ракурсе романтического направления. Фокусируясь именно на концепции детства, У. Вордсворт представляется тем романтиком, который наиболее повлиял на эстетическую систему Э. Б. Браунинг. Необходимо отметить, что общность их художественных принципов предлагает определенные возможности для сравнительного анализа.

Основные принципы миропонимания ребенка, невинного, непосредственного, постигающего в силу природной чистоты и мудрости высший план бытия, культивировались в творчестве Э. Б. Браунинг. При этом она сумела дополнить концепцию детства и автобиографическими тенденциями.

Так, образ ребенка явился своеобразным поэтическим инструментарием, используемым поэтессой для более экспрессивного и многопланового поэтического осмысления физических недугов, политических и феминистических взглядов, религиозной веры. Такая черта образа ребенка, как пантеистический импульс романтиков, был гармонично совмещен с личным пониманием Э. Б. Браунинг свободы движений, природного пейзажа и здоровья. Принцип близости ребенка к высшим силам интерпретирован поэтессой в контексте выстраивания личной философии о поэтической миссии, а принципы невинности и мудрости ребенка были дополнены феминистическими убеждениями.

Одним из наиболее значимых событий для корректировки всей творческой философии стало материнство поэтессы, направившее ее поэтический фокус в сторону более реалистического понимания и отношения к ребенку. Уникальный и ценный опыт материнства является одним из тех факторов, которые и составляют механизмы формирования творческого женского сознания. Здесь открываются дальнейшие перспективы исследования творчества как Э. Б. Браунинг, так и ряда других поэтесс эпохи романтизма и викторианского периода, а также перспективы изучения этапов становления ключевых поэтических образов того периода как совмещения общественного и личного опыта конкретных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Эпштейн М.* Ирония идеала: Парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Сер. «Научное приложение. Вып. CXXXVIII». 724 с.
2. *Дмитриев А. С.* Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под общ. ред. проф. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 639 с.
3. *Wordsworth W.* Delphi Complete Works of William Wordsworth. Hastings: Delphi Classics (Kindle Edition), 2013. 7485 p.
4. *Avery S., Stott R.* Elizabeth Barrett Browning. L.: Longman, 2003. 314 p.
5. *Mermin D.* Elizabeth Barrett Browning. The Origins of a New Poetry. L.: The University of Chicago Press, 1989. 326 p.
6. *Gillington C.* Days with the Victorian poets; Rossetti, Morris, Mrs. Browning. L.: Hodder & Stoughton, 1913. 186 p.
7. *Stedman E. C.* Victorian Poets. Boston: J.R. Osgood and Company, 1876. 482 p.

8. *Hibbard A., Holman C. H., Thrall W. F. A Handbook to Literature.* New York: Literary Licensing LLC, 2011. 608 p.
9. *Wu D. Romanticism: An Anthology.* Hoboken: John Wiley & Sons, 2012. 1656 p.
10. *Browning E. B. Complete Works of Elizabeth Barrett Browning.* Hastings: Delphi Classics (Kindle Edition), 2013. 2385 p.
11. *The Brownings' Correspondence: in 25 vols / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis.* Winfield: Wedgestone Press, 1989. Vol. 7. xvi + 429 p.
12. *Wordsworth W. The Complete Poetical Works of William Wordsworth: Together with a Description of the Country of the Lakes in the North of England, Now First Published with His Works.* Pittsburgh: J. Kay, jun. and brother, 1837. 527 p.
13. *Smith, G. B. Poets and Novelists; a series of literary studies.* L.: Smith, Elder, & co., 1875. 422 p.
14. *Austin M. Linda. Children of Childhood: Nostalgia and the Romantic Legacy // Studies in Romanticism.* 2003. Vol. 42, No. 1. P. 75–98.
15. *The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis.* Winfield, Kan.: Wedgestone Press, 1988. Vol. 6. xiv + 425 p.
16. *Hirsch P. Gender Negotiations in Nineteenth-Century Women's Autobiographical Writing // „In The Uses of Autobiography”.* L.: Taylor and Francis, 1995. P. 120–127.
17. *Banerjee Jacqueline. One. Frail Treasures: Child Death and the Victorian Novel.* URL: <http://www.victorianweb.org/genre/childlit/banerjee1.html> (дата обращения: 20.01.20121).
18. *Bolton Sarah K. Lives of Girls Who Became Famous.* New York, Thomas Y. Crowell & Co., 1886. 416 p.
19. *The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis.* Winfield, Kan.: Wedgestone Press, 1991. Vol. 9. xvi + 423 p.

REFERENCES

1. Epshteyn M. *Ironiya ideala: Paradoksy russkoy literatury.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. Ser. „Nauchnoe prilozhenie. Vyp. CXXXVIII”. 724 p.
2. Dmitriev A. S. *Literaturnye manifesty zapadnoevropeyskikh romantikov.* Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1980. 639 p.
3. *Wordsworth W. Delphi Complete Works of William Wordsworth.* Hastings: Delphi Classics (Kindle Edition), 2013. 7485 p.
4. Avery S., Stott R. *Elizabeth Barrett Browning.* L.: Longman, 2003. 314 p.
5. Mermin D. *Elizabeth Barrett Browning. The Origins of a New Poetry.* L.: The University of Chicago Press, 1989. 326 p.
6. Gillington C. *Days with the Victorian poets; Rossetti, Morris, Mrs. Browning.* L.: Hodder & Stoughton, 1913. 186 p.
7. Stedman E. C. *Victorian Poets.* Boston: J. R. Osgood and Company, 1876. 482 p.
8. *Hibbard A., Holman C. H., Thrall W. F. A Handbook to Literature.* New York: Literary Licensing LLC, 2011. 608 p.
9. *Wu D. Romanticism: An Anthology.* Hoboken: John Wiley & Sons, 2012. 1656 p.
10. *Browning E. B. Complete Works of Elizabeth Barrett Browning.* Hastings: Delphi Classics (Kindle Edition), 2013. 2385 p.
11. *The Brownings' Correspondence: in 25 vols. Ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis.* Winfield: Wedgestone Press, 1989. Vol.7. xvi + 429 p.
12. *Wordsworth W. The Complete Poetical Works of William Wordsworth: Together with a Description of the Country of the Lakes in the North of England, Now First Published with His Works.* Pittsburgh: J. Kay, jun. and brother, 1837. 527 p.
13. *Smith G. B. Poets and Novelists; a series of literary studies.* L.: Smith, Elder, & co., 1875. 422 p.
14. *Austin M. Linda. Children of Childhood: Nostalgia and the Romantic Legacy. Studies in Romanticism.* 2003. Vol. 42, No. 1, pp. 75–98.

15. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. Ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kan.: Wedgestone Press, 1988. Vol. 6. xiv + 425 p.
16. Hirsch P. Gender Negotiations in Nineteenth-Century Women's Autobiographical Writing. In: „*In The Uses of Autobiography*”. L.: Taylor and Francis, 1995. P. 120–127.
17. Banerjee Jacqueline. *One. Frail Treasures: Child Death and the Victorian Novel*. Available at: <http://www.victorianweb.org/genre/childlit/banerjee1.html> (accessed: 20.01.20121).
18. Bolton Sarah K. *Lives of Girls Who Became Famous*. New York, Thomas Y. Crowell & Co., 1886. 416 p.
19. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. Ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kan.: Wedgestone Press, 1991. Vol. 9. xvi + 423 p.

Нагайцева Ксения Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Л-3 (Английский язык для машиностроительных специальностей), факультет лингвистики, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана; ассистент факультета гуманитарных и социальных наук кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов

e-mail: owner3333@mail.ru

Nagaytseva Ksenia A., PhD in Philology, Assistant Professor, English Language for Machine-Building Specialities Department, Linguistics Faculty, Bauman Moscow State Technical University; assistant, faculty of Humanities and Social Sciences, department of foreign languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

e-mail: owner3333@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2021

The article was received on 21.01.2021